

Илья Муромец и Соловей-разбойник (4)

Во славном-то городе во Муроме,
Во селе-то ведь и было Карачарове,
Тридцать лет уже или и даже с лишкою
Сидуном-то сидел да тут крестьянский сын,
По прозванью-то он да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
И во ту ли пору да вот во летнюю,
И во летнюю пору да вот во жаркую
Как приходят калики да перехожие.
Постучались они да у окошечка:
«Уж ты гой еси, Илеюшко Иванович!
Ты подай-ко-се нам да-я испити же».
Говорит тут Илья да вот Иванович:
«Я без рук-то сижу ноне, без ножечек
Тридцать лет уже и даже с лишкою».
Говорят тут калики да перехожие:
«Ты, Илеюшка, нас да не обманывай».
Как ведь стал-то Илья да тут рукой шевелить,
Ещё стал-то Илья да тут рукой шевелить,
Ещё стал-то Илеюшко на ножечки.
Как берёт-то братыню да полтора ведра,
Ещё спускается в погреба да во глубокие,
Наливает-то братыню да полтора ведра
И подносит братыню каликам перехожиим.
Говорят-то калики да перехожие:
«Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна!»
Выпивает тут Илеюшка чару полную.
Говорят тут калики да перехожие:
«Ты налей-ко, Илеюшка, вто́ру чарочку».
Он спускается, Илья, да в погреба глубокие,
Наливает-то он, верно, полтора ведра,
Что не малу, не велику — полтора ведра,
Наливает-то он, верно, втору чарочку
И подносит он каликам перехожиим.
Говорят тут калики да перехожие:

«Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна!»
Выпивает-то Илеюшка втору чарочку,
Говорят-то калики да перехожие:
«Много ль силы, Илеюшка, в твоих рученьках?»
Говорит тут Илеюшка Иванович:
«Кабы столб-то в земли да мне до небушка,
А к нему-то было кольцо червленое —
За кольцо-то бы взял да я ведь рученькой,
Повернул бы святорусску да землю-матушку».
Говорят тут калики перехожие:
«Ты подай, Илья Иванович, нам третью чарочку».
Опустился он да в погреба глубокие,
Наливает-ко братыню в полтора ведра
И подносит каликам перехожиим.
Говорят тут калики да перехожие:
«Уж ты гой еси, Илеюшко, выпей сам до дна!»
Выпивает-то Илья да третью чарочку,
Говорят ему калики перехожие:
«Много ль силы, Илеюшко, в твоих рученьках?»
Отвечает им Илья да сын Иванович:
«Во мне силушки наполовину приубавилось».
Говорят ему калики перехожие:
«Выбирай же ты теперь себе жеребчика,
Поезжай ты, Илеюшко, на святую Русь
Защищать свою да землю-матушку,
Басурманов поколачивать».
Распростилися калики перехожие,
Отошли они нонь от окошечка.
Как возвращаются с поля да отец с матерью,
Тому диву они, верно, да сдивовались:
Ходит на ногах у их да Илеюшко Иванович.
Говорит отцу он, матери:
«Покупайте мне, родители, худа, верно, жеребчика,
Еще буду я в росы его выкатывать».
Как отец ему купил худа жеребчика.
Стал Илеюшка за им, верно, ухаживать.
Бытто выростил Илеюшка жеребчика.
Одевается Илья в доспехи богатырские,
Доставал себе он палицу буёвую,

Доставал себе он саблю вострую,
Доставал еще себе он стрел колчан и тугой лук.
«Дайте мне, отец, верно, да с матушкой, благословеньице,
Я поеду в стольной Киев-град,
Я поеду поглядеть князя Владимира». —
«Бог тебя благословит, наше чадо милое,
Поезжай ты, наш Илеюшко, во стольный Киев-град,
Злом не мысли на татарина,
А тем паче на крестьянина».
Распростился нонь Илья с отцом и с матерью,
И отправился Илейко в путь-дороженьку.
А лежала путь-дороженька через Чернигов-град.
Подъезжает он к Чернигову.
Круг Чернигова-то града тут черным черно,
Окружают нонь Чернигов-град черны вороны,
Черны вороны, да злы татарове.
Нарушает Илейка заповедь отцовскую,
Вынимает он свою да саблю вострую —
И пошел рубить он силушку татарскую.
Порубил Илья всю силу, верно, татарскую.
Отворяются вороточки у города Чернигова,
Приглашают ноне в гости Илью Муромца,
Говорит ему народ да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удамый добрый молодец!
Как по имени тебя звать, величать по отчеству?
Будь у нас ты во Чернигове воеводою».
Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы!
Мне не быть у вас да воеводою.
Укажите мне дорожку в стольный Киев-град».
Говорят Илье черниговцы:
«Прямоезжая дорожечка во Киев-град
Запала да заколодела,
Серый зверь по ней не рыскиват,
Черный ворон не пролётыват,
А у той у грязи черные,
У березки у поклёпые,
У креста ли Леванидова
Одихмантьев сын злодеюшка

Соловей засел разбойничек.
Он сидит-то на семи дубах,
Он свистит по-соловьиному,
Закричит он по-звериному,
Зашипит он по-змеиному —
С гор сползут пески сыпучие,
Лесы, рощи к земле склоняются».

Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы!
Не поеду я околицей,
Околицей ехать, верно, две тысячи-то верст,
А прямоезжей-то дорожкой ровно тысяча.
Я поеду по дорожке прямоезжейей.
Не страшён мне Соловей, верно, разбойничек».

И поехал Илья Иванович прямоезжею дорожкой.
Приезжает он ко грязи черные,
Ко березке он ко покля́тые,
Ко тому кресту Леванидову.
Увидал его тут Соловей, верно, разбойничек,
Засвистал он по-соловьиному,
Закричал он по-звериному,
Зашипел он по-змеиному —
Пал жеребчик на коленочки
(это у Ильи-то)

У Ильи тут у Ивановича.
Говорит Илья Иванович:
«Ах ты волчая сыть недосытана,
Травяной мешок нескла́денный,
Не бывал ты, конь, во тёмно́м лесу,
Не слышал ты на своем веку
Соловьиного ты по́свисту,
Что звериного ты голосу,
Что звериного, туриного,
Или шипу ты змеиного?»

Вынимает он стрелу калёную,
Натягает он лук, шелко́ву ниточку,
Говорит стреле калёнойей:
«Ты лети, моя калёная стрела,
Ты не попадай ни на землю, ни на воду,

Попади ты в глаз разбойничку!»
И попала стрела калёная
Соловью-разбойнику прямо в правый глаз.
Полетел тут с дуба старого
Комом на землю разбойничек.
Подхватил Илья Иванович разбойника,
Привязал его к праву стремени
И поехал он в путь-дорожечку,
И поехал прямо в стольный Киев-град.
Приезжает он в стольный Киев-град,
Соскочил он с добра коня,
Привязал его к столбу да золочёному.
Как заходит он ко князю Владимиру в гридню светлую.
Поклонился он князю Владимиру и княгинюшке Апраксии,
Поклонился он, верно, всем чудо-богатырям,
Всея собравшейся нынь да братии.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты садись-ко, добрый молодец,
Ты откуда нынче едешь, куда путь держишь,
Ты приехал к нам какой дорожкой?»
Говорит Илья Иванович:
«Я из города из Мурома,
Из села я Карачарова,
А зовут меня Илеюшко Иванович,
А прозвание мое Муромец».
Посадили тут Илеюшку за дубовый стол,
Наливали ему чару зеленá вина,
Не малую, не велику — в полтора ведра.
И берет он чару единóй рукой,
Выпивает он чару единым духом.
«Уж я ехал, Владимир-князь стольно-киевский,
Повидать тебя и всех славных богатырей.
Уж я скажу, не утаю ничего:
Ехал я сюда дорожкой прямоезжею».
Подивились тут князь и со княгинею,
Подивились могучие богатыри:
«Как прямая-то дорожечка
Запала да заколодела,
Там сидит да на семи дубах

Соловеюшко да разбойничек».
Говорит Илья Иванович:
«Соловей-то ведь разбойничек
Он висит у меня нонь у правой стремени».
И Илье тут, верно, не поверили,
Выходили все да на широкий двор,
Выходил князь Владимир со княгинею.
Говорил тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец!
Что Илеюшка Иванович,
Вели Соловью засвистеть в полсвиста соловьиного,
И закричать в полкрика звериного,
И зашипеть в полшипа змеиного».
Говорит Илья Иванович:
«Уж ты гой еси, Соловеюшко-разбойничек!
Засвисти ты в полсвиста соловьиного,
Закричи ты в полкрика звериного,
Зашипи ты в полшипа змеиного».
А тогда Соловей да не послушался:
Засвистел он во весь свист да соловьиный,
Закричал во весь он крик, верно, звериный,
Зашипел во весь он шип, верно, змеиный —
Все околенки во Киеве потрескались,
Все-то маковки с домов посыпались,
Князь с княгиней на коленочки попадали,
И весь народ тут приужахнулся.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, добрый молодец Илья Иванович!
Ты уйми-ка Соловья-разбойника,
Будем мы тебя дарить да будем чествовати,
Ты очистил нам дорожку да прямоезжую».
Заходил Илья Иванович в палаты белокаменны,
Угощали его, потчевали.
Князь Владимир стоял стоя перед ним,
А княгиня Апраксия ему кланялась,
А другие богатыри радовались, веселились,
Называли его своим братом старшим.
Выходит тут Илья Иванович на широкий двор,
Он садился на добра коня,

Он поехал с Соловьем-разбойником да во чисто́ полё,
Говорит он Соловеюшку-разбойничку:
«Соловей ты свет да разбойничек,
Прослезил ты много детей, матерей,
Сгубил много ты народа православного —
Тебе смертный конец, верно, пришел сейчас!»
Вынимал он саблю вострую,
Отрубал он Соловью да буйну голову.
Воротился Илья в стольный Киев-град.
Выбирал он себе, Илья, товарищев
Что по силе по своей, по своей ловкости:
Выбирал он Добрынюшку Никитича,
Выбирал он ведь Алешеньку Поповича,
Да семь братьев Сбродóвичей.
Поезжают они во чисто́ полё,
Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богáтыри на заставушке.

(Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.